

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Надежда Васильева

Смотри страху в глаза

Надежда Борисовна Васильева
Смотри страху в глаза
Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70358320

Смотри страху в глаза: Детская литература; Москва; 2024

ISBN 978-5-08-007220-8

Аннотация

Несколько дней провели Витька и Тошка в лесу, куда упросили родителей отпустить их на летних каникулах после 7-го класса. Ночевали в палатке и в заброшенной риге, собирали грибы, удили рыбу... Многое обсудили они за эти дни, похожие на лоскутное одеяло, сотканное из воспоминаний, размышлений, разговоров по душам и неожиданных событий, требующих от ребят смелости и смекалки. Так родилась настоящая мужская дружба, которая на всю жизнь свяжет ребят.

В повести Надежды Васильевой – автора, который уже трижды становился лауреатом Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для детей, – много динамики и неожиданных сюжетных поворотов.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	5
Глава первая	9
Глава вторая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Надежда Васильева

Смотри страху в глаза

© Васильева Н. Б., 2024

© Грубер А. М., иллюстрации, 2024

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2024

* * *

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2023 году подведены итоги уже восьмого конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри:

взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей, первая любовь и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. На начало 2024 года в серии уже издано более 60-ти книг. Готовятся к выпуску повести и романы лауреатов восьмого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, педагоги, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года» (2014) в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту

серию. В 2023 году серия книг вошла в пятерку номинантов новой «Национальной премии в области детской и подростковой литературы» в номинации «Лучший издательский проект».

Смотри страху в глаза

Повесть

Глава первая

Маленький, похожий на стрекозу вертолет Ка-26 завис над узким островком, живописно возвышающимся над гладью широкой таежной реки. Витька с Антоном прильнули к иллюминаторам. Вот-вот вмонтированные в лыжи колеса коснутся земли. Натужно взревев, всю свою мощь двигатели отдали винтам, сильный поток воздуха, посылаемый лопастями, прижал к земле не только траву небольшой полянки, но и низкорослые кусты, что окаймляли каменистый островок. Вертолет так сильно затрясло от вибраций, что казалось, он сейчас расколется на части.

Витькин отец, быстро выскочив из кабины, окинул опыт-

ным взглядом место посадки и дал знак пилоту приземляться. Сделав повторный осмотр местности, он поднял два больших пальца вверх. Это означало, что почва твердая, шасси стоят ровно, работе лопастей ничего не мешает. Пилот, дядя Сергей, скинул обороты двигателей до холостых. Но винты продолжали крутиться. Значит, открывать дверь фюзеляжа пока рано.

Строгое правило это Витьке хорошо знакомо с детства. Отец у него – летчик-наблюдатель авиационной охраны лесов. К тому же еще и начальник авиаотделения. Инструктировать нанятых на пожароопасный сезон десантников ему приходилось перед каждым вылетом.

Витька сделал знак Антону, чтобы тот помог пододвинуть рюкзаки и баул с резиновой лодкой к выходу. Отец щелкнул замком грузовой кабины, расположенной сзади. Дверь распахнулась. Они принялись торопливо выгружать снаряжение.

– Ребята, долго сидеть нам здесь нельзя, – стараясь перекричать свист винтов, торопливо командовал отец. – Оттащите рюкзаки подальше и ложитесь на них. Да покрепче держите свои шапки, чтобы ненароком в воду не сдуло. Завтра в это же время будем пролетать мимо. Если возникнут какие-то проблемы, выложите на этой полянке из жердей крест. Если все хорошо, просто помашите нам рукой. Все понятно?

Витька кивнул. Отец, быстро захлопнув грузовой отсек,

прыгнул в кабину вертолета. Взревели двигатели, закрутились винты. Вертолет, медленно оторвавшись от поляны, накренил свой стеклянный лоб, словно поклонился земле, и стал стремительно набирать скорость. И вот уже точкой маячит далеко на горизонте.

Над лесом воцарилась оглушительная тишина. Витька с Антоном еще долго сидели на рюкзаках, наслаждаясь этим удивительным покоем, пока наконец пение птиц не вернуло их к реальности. Перепуганные внезапным вторжением обитатели леса ожили и, засуетившись, наполнили округу множеством неподражаемых звуков.

– Завидую тебе, Витька, – задумчиво прошептал Антон. – Ты бы хотел, как твой отец, на вертолете летать?

Витька пожал плечами. В этом деле, конечно, он толк знал. В летнюю пору вертолет стоял недалеко от служебного дома, где жили они почти весь сезон. Все-таки хорошо, что мама работает в школе и отпуск у нее такой длинный. Жить в аэропорту Витьке нравилось. Еще бы! Бетонированная площадка стоянки вертолета хорошо просматривалась из окна его комнаты. Он любил наблюдать за тем, как техник дядя Коля, их сосед, надевает брезентовые чехлы на лопасти, привязывая их к мощным железным скобам, и подключает гибкий металлический тросик заземления к корпусу фюзеляжа. И хоть грозы случались не так часто, но, как однажды выразился дядя Коля, «береженого Бог бережет».

Особенно нравилось Витьке наблюдать за работой техни-

ка, когда он готовил вертолет к полету: расчехлял винты, проверял работу двигателей, внимательно осматривал каждую деталь. А иногда дядя Коля брал его на заправку – посмотреть, как это все происходит. Очень удивило Витьку, что топливные баки, оказывается, резиновые, расположены за спиной у пилотов и проходят по потолку фюзеляжа. Дядя Коля объяснял ему, что после заправки через двадцать минут обязательно нужно слить отстой топлива в стеклянную банку и проверить, нет ли в нем мусора или воды. Иначе двигатель будет чихать, а то и совсем заглохнет, что может грозить жизни экипажа во время полета.

Мама в шутку называла дядю Колю папиным ангелом-хранителем. В Витькином воображении ангелы были с крылышками! А у дяди Коли, при его-то полноте, какие уж там крылышки. В своих синих комбинезонных штанах на лямках он больше походил на Карлсона. Не хватало только пропеллера за спиной. Витьке иногда казалось, что техник не снимает эти рабочие штаны, даже когда ложится спать.

Мать, однажды услышав от Витьки такое, долго смеялась, а потом сказала: «У тебя, сын, сильно развито ассоциативное мышление». И в чем-то была права: наблюдая за людьми, Витька находил неожиданные сходства, и на ум тотчас приходили смешные сравнения. Один отличался медвежьей походкой, другой – длинными, как у таракана, усами, у третьего – в эмоциях смешно, до мышиноного писка, срывался голос. А кто-то своим длинным носом уж больно смахивал на Бу-

ратино. Витька понимал, что недостатки можно найти в любом человеке, даже в нем самом, но почему-то это все равно его забавляло, беззлобно, конечно, скорее добродушно.

Если урок был неинтересным, Витька доставал лист бумаги и начинал рисовать «дружеские шаржи» на одноклассников. Он никому их не показывал, тихонько хихикая про себя. А однажды даже получил за это замечание в дневник: «Беспричинно улыбался весь урок».

Мать, прочтя эту явно нервозную запись, только усмехнулась, а вот отца разобрало. Щелкнув Витьку по лбу, он строго изрек: «Смех без причины – признак... знаешь кого?! Сделай выводы. И чтобы больше в твоём дневнике подобного не видел. В школу ходят не дурака валять, а знания получать! Так что не позорь мою седую голову!»

Ну, про седину, конечно, он загнул. Серебристые волоски только еще начинали кое-где проглядывать на отцовских висках, несмотря на то что экстремальных ситуаций в полетах случалось немало. Но отец об этом рассказывать не любил.

Иногда подобные откровения прорывались у пилотов за «рюмкой чая», когда отец приглашал экипаж на дружеское застолье. Чуткие Витькины уши, как локаторы, ловили каждое слово, каждую незнакомую ему фразу, каждую байку или анекдот в разговоре взрослых. И хоть отец иногда строго поглядывал на него, делая выразительные знаки кивком головы – дескать, шел бы в свою комнату, но Витька, будто

не понимая, только морщил нос и начинал нарочито раскачиваться на стуле, словно к сиденью прилип.

Дядя Коля заступался за него:

– Ну что ты парня из-за стола гонишь? Себя-то вспомни. Что мы тут такого крамольного говорим? – А потом, обращаясь уже к Витькиной матери, с какой-то по-детски глуповатой улыбкой просил: – Возьми-ка, Любушка, гитару и сыграй нам что-нибудь для души. – И первым начинал запевать, но не с куплета, а с припева:

Пора в путь-дорогу,
Дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем.
Над милым порогом
Качну серебряным тебе крылом!

При этом лицо у дяди Коли напрягалось от прилива чувств так сильно, словно сам он в этот момент сидел за штурвалом – нет, не маленького вертолета, а огромного лайнера.

На вертолете Витька летал не раз. А вот для Тошки, как в классе все называли Антона, – это, конечно, было неописуемой экзотикой. Отца у Тошки не было. Мать работала поваром в столовке. Для него и на машине-то прокатиться – еще тот драйв! Когда отец вез их с Тошкой в тот маленький районный городок, где они жили раньше, друг во все глаза по сторонам смотрел. И сейчас вон какое лицо блаженное! Хороший он все-таки парень. Не смотри, что такой же худой,

как и он, Витька. Зато в математике сечет что надо! И книг много читает. О чем ни спроси – всё знает. В классе его за это все сильно уважают.

Витька взглянул на друга. Тот, подставив и без того смуглое лицо солнцу, кайфовал. Вот-вот задремлет. Но пока не до расслабона. И, взяв в руки сухую соломинку, Витька пощекотал ею Тошкин нос. Тошка чихнул и открыл глаза.

– Давай, Тош, палатку ставить да лодку приготовим для завтрашнего перехода по порогу.

Друг, как по команде, вскочил, понимая, что тут, на природе, Витьку нужно слушаться беспрекословно. Он-то, Витька, с четырех лет с отцом по лесам да по болотам шастал. Словом, до мозга костей лесной человек. И костер развести, и палатку поставить, и дров наколоть, и спиннинг кинуть для него – раз плюнуть. Мама это знает. Потому и отпустила в путешествие.

Тошка об этой «робинзонаде» своей матери ничего не сказал. Отпросился якобы на дачу к другу на недельку. А когда Витька усомнился, правильно ли друг поступил, Тошка объяснил ему это так:

– Я ей обязательно обо всем расскажу, но потом, когда домой вернусь. Если у человека есть мечта и он трезвонит о ней на каждом шагу любому встречному, навряд ли она на сто процентов исполнится.

– Но ведь мама не «любой встречный», – попробовал возразить ему Витька.

На что Тошка привел весомый аргумент:

– Мама будет волноваться и от собственных беспричинных переживаний заболеть может...

Тут Витька не мог не согласиться. Резонно, ничего не скажешь. А его родителям и в голову не пришло, что Тошка это дело от матери «засекретил».

Устраиваться на ночлег на островах посоветовал отец: мол, леса вокруг дикие, всякого зверья полно. Конечно, для медведя, например, вода не преграда. Потому и велел им отец всю ночь поддерживать костер.

Витька мысленно строил план их действий. Все-таки здорово, что удалось ему уговорить отца организовать для них с Тошкой эту, как выразилась мама, «школу мужества». Расскажи кому из ребят – не поверят. Трое суток в диком лесу, где, как пафосно произнес дядя Коля, подняв вверх указательный палец, «не ступала нога человека», да на порожистой реке, да одним, без опеки взрослых.

Всяких напутствий и ценных указаний, конечно, отец ему вчера вечером надавал. Мол, летом в лесу, сын, не зверей – случайных людей бояться нужно. Предупредил о каком-то поселении эков, что на острове посреди озера находится. Но Витька это мимо ушей пропустил. Озеро-то ведь не на территории парка, а где-то там, в Архангельской области... Вспомнив пословицу «у страха глаза велики», про себя усмехнулся: не знал, что и за отцом такое водится... А вот

его строгому наказу насчет того, что «трёкать» об их путешествии на вертолете никому нельзя, прислушался. Понятное дело: узнает кто, доложит «кому следует», отец с пилотом запросто могут работы лишиться. В авиации порядки строгие. Но в Тошке был на все сто уверен: тот язык за зубами держать умел.

Палатку установили быстро. А когда расположились у костра перекусить и попить чаю, вдруг услышали звук мотора. Сверху по течению к их острову приближалась резиновая лодка. У Витьки разочарованно оттянулась нижняя губа: вот тебе и «не ступала нога человека»! Удрученно взглянул на Тошку. Что друг скажет на это?

Тошка напряженно наблюдал за людьми, что причаливали к берегу. Их было двое: небритый коренастый мужичок, небольшого роста, в энцефалитном костюме, которые обычно выдаются работающим в лесу людям, и парнишка в болоньевой утепленной куртке и джинсах. На ногах у последнего были не сапоги – полуботинки, будто собрался на прогулку в город. Витька это отметил сразу. Куда это он так вырядился? Да еще почему-то щека перевязана платком, лицо перекошено болью, взгляд – лихорадочный. На парня было страшно смотреть...

Проворно спрыгнув на берег, мужик с ходу атаковал их вопросами:

– Эй, парни! Чьи будете? Это вас с вертолета высаживали?

А когда обратно полетите? Сегодня?

Витька предусмотрительно молчал. Отец просил не вступать в контакт с незнакомыми людьми. Тошка украдкой поглядывал на него, ждал, что он ответит.

Наступила неловкая пауза.

– Что молчите-то? Язык проглотили? Ты ведь, наверное, Андрюхин сын? – кивнул мужик Витьке. – Точно! Вылитый батя! Мы с ним давно знакомы. Продуктами, бензином нас иногда снабжает. Думал, и сейчас к нам на кордон подсядут, а они мимо пролетели. А мне он позарез нужен! У Славки проблема: зуб воспалился. Видите, флюс какой? К врачу бы надо, думаю, коренной зуб тащить придется. Так что бросьте в молчанку играть. Свои мы! Он вас сегодня заберет?

Витька покачал головой и осторожно, с расстановкой, ответил:

– Нет... может, дня через три.

Мужик даже присвистнул от досады:

– Черт побери! Придется назад на кордон возвращаться: ни жратвы, ни бензина с собой не взяли, на вертолет надеялись. А теперь вот надо будет своим ходом до рыбаков добираться. Сын уже две ночи не спит. И поделом ему! – в сердцах махнул он на сына рукой. – Говорил ему: прежде чем ко мне ехать, залечи зубы, больниц в тайге нет. Был бы молочный зуб, я б его к дверной ручке ниткой привязал – и в момент выдрал. А тут коренной, дело серьезное.

Парню, по всему видно, действительно, было не до чего.

Кажется, он никого не видел и не слышал. Держался за щеку рукой. Вид у него был такой измученный, что Витьке стало его жаль.

– У нас обезболивающее есть, анальгин, – примирительно взглянул он на мужика. – Принести?

– Ну конечно! Тащи давай! – обрадовался тот. – А ты, Славка, – обратился он к сыну, – к костру иди. Я через часик вернусь, и сразу дальше помчим.

Заурчал мотор, и мужик, развернув лодку, погнал ее против течения. Витька уже нес таблетки, и парень, не артачась, быстро их принял. Минут через пятнадцать они услышали наконец его голос.

– Полегчало! – выдохнул он. – Я дядю Андрея тоже знаю, – и повернулся к Витьке, – мне он нравится. Часто выручает нас, в помощи никогда не отказывает.

– Так ты, что ж, давно на кордоне живешь? – любопытно спросил Витька.

– Ну! – кивнул тот. – Бате помогаю. Раньше, пока мать жива была, только на лето к нему приезжал. А потом... решил в девятый класс не ходить. На черта мне науки эти! Я – лесной человек. Летом рыбу ловим, зимой охотимся.

– А есть ли доход с промысла этого? – деловито, как обычно разговаривают друг с другом заправские мужики, поинтересовался Витька.

– По-всякому бывает, – пожал плечами Славка. – Дядя Ваня, который с нами раньше жил, на пять машин марки «Ни-

ва» с пушнины накопил, а потом – раз! – и инфляция. Деньги обесценились. Он с горя запил. Так и пропал где-то...

Мы с батей о золотых горах не мечтаем. Нам хватает. Одежи много не надо, рыба, мясо есть, варенье на зиму варим, овощи выращиваем. Словом, натуральное хозяйство.

И тут Витьке на память пришла одна история, связанная с английским самолетом, о котором несколько лет назад в их семье шел довольно интересный разговор.

Отец вычитал в журнале «Огонёк» о том, что лондонскому музею для коллекции нужен был самолет времен Второй мировой войны – «спитфайр». Тому, кто сообщит о точном местонахождении самолета такой марки, обещалась награда: телевизор с плоским экраном и «видик». Иностранец этот обнаружил Витькин отец во время облета территории, на болоте, недалеко от кордона, где жили Славка с отцом. Они обследовали трофей, чтобы сообщить координаты находки по указанному адресу. Увы, обещанные награды, как это всегда бывает, – «улыбнулись». Уцелевший самолет был вскоре вывезен на внешней подвеске вертолетом Ми-8МТ. Искать их, авторов ценного сообщения, конечно же никто не стал. Хотя, координаты оказались точными, а информация – верная. Отец смеялся тогда: мол, раскатали губы, начали делить шкуру неубитого медведя, решать, что на кордоне нужнее: «видик» или телевизор?

– А-а! Слушай! – вспомнив об этом, хлопнул себя ладонью по лбу Витька: – Это же твой отец «спитфайр» тогда

на болоте нашел?!

Славка сразу оживился.

– Ну да! Он перевернутым лежал. Я к этому самолету не раз ходил. Хотел что-нибудь от него открутить и взять на память. Но удалось снять только бирку с нерусскими буквами, которую отцу и показал.

Историю эту они со Славкой обсуждали до тех пор, пока последний снова не схватился за щеку. Видно, зуб опять начал ныть, и парень сразу потерял интерес ко всякому разговору. Пришлось проглотить еще одну таблетку анальгина. Витька смотрел на него с сочувствием, у самого ведь тоже такое однажды случилось...

Когда незваные гости отчалили, Тошка задумчиво так произнес:

– Неужели Славка всю свою жизнь здесь, в лесу, на кордоне, проведет? Его что, к людям не тянет?

– А что? – отозвался Витька. – Я вот тоже по школе не очень-то скучаю. Особенно... – скривил он нос, – по Заварухину и его подкаблучникам.

Тошка тяжело вздохнул, но продолжать тему не стал. Тогда Витька передал ему байку, которую отец любил рассказывать друзьям.

На кордоне у Славкиного отца, дяди Лёни, жила кошка, большая, рыжая, с крупной, как футбольный мяч, головой. Однажды в марте к ним приблизился дикий кот. Откуда он взял-

ся – неизвестно. Погостил у них с недельку и опять исчез. С тех пор появлялся он у них раза три-четыре в год. Однажды дядя Лёня засекал его на другой стороне озера. Удивился. Озеро большое. Ладно, весной по льду, напрямик, – километров пять будет, а летом, вокруг, – целых десять верст шагать. «Гостеваться» – не ближний свет. Кошка обитала в старом разрушенном доме, что находился вдалеке от их жилища. Приходила к ним только кормиться. Нужды заглядывать в ее обитель не было. И все же однажды дядю Лёню туда занесло. А там... штук двадцать котят мал мала меньше. Увидели его – зафырчали, спины завьгибали, когти о бревна точить стали. Целое войско!

– А куда они потом делись? – нервно покусывая губы, спросил Тошка.

– Отец говорил, что вроде зимой вымерли. От голода ли или лисы утащили...

Тошка сразу расстроился, замкнулся. И Витька стал корить себя: зачем было рассказывать эту байку, зная утонченную Тошкину натуру? Думал развеселить друга, а вышло вон что, с точностью наоборот!

Вечером, наловив окуней, они сварили уху. Душистую, вкусную! Долго не могли оторваться от котелка, даже малость переели. Животы вздулись, на сон потянуло. Но прежде нужно было запастись хворостом на всю ночь.

Набросав в костер самых толстых чурок, завели старень-

кий будильник, намазали руки и лица мазью от вездесущих комаров, сладко потянулись...

Разбудил их не будильник, а звериное ворчанье, что неслось с берега реки. Сначала Витька подумал, что это ему снится, и даже натянул спальник на ухо. Но грозный рык повторился. Тут и Тошка, высунув голову из спальника, стал протирать заспанные глаза. Теперь они уже вдвоем прислушивались к пугающим звукам.

– Кто это там?! – наконец прошептал Тошка.

У Витьки внизу живота заглодело. Так случилось с ним всякий раз при неожиданной опасности. Понял: по берегу бродит медведь. Рык этот Витьке был знаком. Как-то ходили с отцом за морошкой, а медведь их со своих угодий таким же вот рыком выгонял.

Затаив дыхание ребята прислушивались к тому, как под тяжелыми лапами зверя перекатываются, лоскочут на берегу реки камни. Медведь не уходил, продолжал недовольно ворчать. Неужели в воду войдет?! В голове замельтешили, зароились мысли. Что делать, если к их островку надумает плыть? Что тогда делать?! Говорят, при виде медведя нужно пронзительно визжать. Сильного крика они боятся.

А если это подранок? Почему не уходит? На кого так злобно рычит? Витька почувствовал, как начало мелко подрагивать в коленках. И будто наяву услышал голос отца. Перед тем, как взять их в полет, тот строго наказал: «Знай, Витька, паника в сложной ситуации – последнее дело. И помни:

за друга отвечаешь головой. Ты в лесу парень бывалый. Стало быть, за все тебе ответ держать».

Мысленно пристыдил себя: «Ага! Испугался? Поджилки затряслись? Голову потерял?» Это отрезвило.

Вспомнил, как в детстве, четыре года ему тогда было или пять, грозы испугался, под стол залез и даже голову руками закрыл. И реакцию отца:

«Гони всякий страх от себя прочь! Только тогда настоящим мужиком станешь, и все в твоей жизни будет хорошо! Всякий страх, может быть даже помимо воли человека, убивает надежду и создает препятствия на пути к его мечте. Это тебе надо?»

Настоящим мужиком, таким как отец, Витьке стать, конечно, хотелось. И потому робко спросил:

«Пап, а когда я совсем ничего не буду бояться?»

Отец шутливо потрепал его чуб.

«Когда вырастут усы!»

Витька быстро провел пальцем себе под носом. Но на гладкой коже не было даже намека хоть на какую-нибудь мелкую щетинку.

Заметив это, отец рассмеялся. И завитки на кончиках его красивых усов слегка задрожали:

«Страх, Витька, сам по себе не проходит. С ним еще тебе не раз повоевать придется. Запомни, сын: трусость да боязнь у человека силу отнимают. Всегда смотри страху в глаза. Он бесстрашного взгляда сам боится. И лопнет, как мыльный

пузырь.

С той поры Витька стал работать над собой, ловил любой случай одолеть в себе трусость. И жизнь не раз подкидывала ему такие возможности.

Вот и сейчас, взяв себя в руки, голосом, полным решимости, Витька сказал:

– Хозяин тайги пожаловал. Да ты, Тош, не боись! Это он так... ворчит для приличия, пугу дает. К нам не сунется. Но хворосту подбросить в костер все же надо.

И первым стал вылезать из палатки. Тошка последовал за ним.

Увидев их, медведь взревел и встал на задние лапы. Друга будто ветром сдуло – быстро юркнул обратно в укрытие. А Витька принялся бросать хворост в гаснущий костер. Сначала повалил густой дым, потом пламя, взвившись вверх, весело заискрилось.

Медведь опустил на передние лапы, покряхтел и нехотя побрел вглубь леса.

Залезая в спальник, Витька бурчал:

– Хорошенькое начало! Как бы сейчас пригодилась сигнальная одноразовая ракетница, какую выдают десантникам на пожар. Отец в какой-то Новый год, дело было у бабушки в деревне, устроил нам праздничный «салют». Знаешь, с каким угрожающим шипением ракета эта в темное небо взлетела! Косолапый бы от испуга описался...

– А что ты у отца ракетницу эту не попросил? – нахмурил

брови Тошка.

– Да просил я! Но он целую нотацию мне прочитал: мол, ракетница – штука серьезная. Ей нужно уметь пользоваться, иначе и до беды недалеко. К тому же, сказал, летом звери в лесу не опасны, еды им хватает. А с незнакомыми людьми нужно вести себя спокойно и достойно. Стараться в конфликт не вступать. Ну, в общем-то он прав.

Тошка склонил голову набок. Всегда так делал, когда был в чем-то не очень уверен. И, подумав немного, спросил:

– Вить, а ты правда ничего не боишься?

Витька ухмыльнулся.

– Меня мать еще в первом классе заставила пословицы о страхе наизусть вызубрить. До сих пор их помню.

– Что за пословицы? – не унимался Тоша.

Витька стал загибать пальцы:

– «Кто вперед идет – того страх не берет», «Страх – первый помощник врага», «У страха глаза велики», «Героям страх неведом», «Плюнь страху в глаза!».

Друг молчал, обдумывая услышанное. Витька тоже размышлял про себя: «Тошка вообще-то не трус». И вспомнил свои контры с Гехой Заварухиным, которые начались у него с самого первого дня его появления в пятом «В» классе новой школы.

Они тогда только переехали из районного городка в областной центр. И что матери вздумалось устраивать его

в гимназию? К чему ему этот математический уклон? Вот Тошка, конечно, голова, а он, Витька, далеко не вундеркинд. Только проблем себе нажил.

Заваруха взъелся на него без причины. Как в том анекдоте про Соловья-разбойника: «...Не так сидишь, не так свистишь!» Независимость ему Витькина, видите ли, не понравилась. Всякие пакости стал чинить, настраивая против него ребят. Только Тошка, с которым классная посадила Витьку за одну парту, под каблук к Заварухе не лез. А того раздражала какая-то непонятная Витьке злоба. То сухую тряпку, испачканную мелом, которой обычно доску вытирают, перед самым Витькиным лицом встряхнет, то от двери его плечом оттолкнет, норовя после звонка в класс первым проскочить, или в ранец ему какой-нибудь дряни насует.

А однажды «пулю» пустил: мол, видел, будто Витька во дворе школы со старшеклассниками курил. Витька даже онемел от такого наглого вранья. Учительница, еще не успевшая уйти из класса, с недоверием взглянула на Геху. Тогда Заваруха, засунув руку в Витькин ранец, вытащил оттуда пустую пачку из-под сигарет и стал демонстративно размахивать ею на глазах у ребят.

И тут раздался голос Тошки:

– Врет он! Не верьте! Я видел, как Заварухин подобрал эту пачку на улице и запихал себе в карман. Значит, он подложил ее Витьке в ранец!

– А ты видел, как я подкладывал? – недобро сузив глаза,

взревел Заваруха.

– Когда подложил – точно сказать не могу. А вот то, как ты ее во дворе поднимал, – видел. Еще подумал тогда: на что сдалась ему эта мятая коробка?

– Сговорились они! – перебивая Антона, завопил Геха.

Но учительница только укоризненно покачала головой. И никаких вопросов Витьке не задала.

Тошке учителя верили. Не поверить ему было невозможно. В минуты вопиющей несправедливости кулаки его невольно сжимались, а всегда смуглое лицо становилось похожим на серую гипсовую маску, со сверкающими в прорезях глазниц карими глазами. Этот Тошкин взгляд, яростные глаза, побелевшее остановившееся лицо быстро охлаждали пыл и обезоруживали «противника». Желающих завестись с Тошей на драку в классе не находилось.

Задирался Геха еще не раз, с каждым эпизодом наглея все больше. Витька долго терпел, но наконец не выдержал – съездил Заварухе по ушам, применив прием, которому научил его один из пилотов. Прием опасный, но действенный. Взял и резко стукнул Гехе сразу по двум ушам, обеими руками. Тот взвыл от боли и в этот день к Витьке больше не лез. Но обиду затаил. Через пару дней Геха подговорил своих подпевал устроить Витьке в туалете «темную». Футболили его ногами изо всех сил, и неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут в туалет неожиданно влетел физрук, который в тот день дежурил по школе. Заваруха понял, чьих это рук

дело. Угрожал Тошке: мол, смотри, и тебя проучим, не поглядим на то, что ты у нас «гений математики». Но не проучили: списывать-то у кого потом будешь?

С тех пор Витька с Тошкой крепко скорешились. Но только в школе, домой друг к другу не заходили. Почему? Витька не знал. Просто чувствовал, что жизнь друга за пределами школы – тема для всех закрытая, и вопросами Тошку не доставал. Отец, конечно, выспрашивал у него потом, откуда синяки. Но Витька еще тот партизан, нашел, чем отговориться: мол, на улице напали, не видел кто. А сам начал мастерить «запал». Нашел в пакете с новогодними игрушками неиспользованную хлопушку, вынул оттуда конфетти и насыпал в трубку молотого перца. Знал, что большой беды с Гехой не случится, но урок ему будет хороший. Да и смеху будет немало!

Когда Заваруха, работая на публику, снова начал приставать к нему, Витька выкрикнул тому в лицо:

– Эй ты, трус! Что исподтишка задираешься? Давай за школой, во дворе, отношения выясним! Или слабб?

Геха, тряхнув своим стильным чубом, хмыкнул, поглядывая на ребят:

– Да я тебя, мышшь ты серая, одной левой! Понял?

Во дворе их собралась большая тусовка. Молва о поединке мгновенно разнеслась по школе. Поглазеть на драку прибежал даже кое-кто из старшеклассников. Еще бы! Предстояло незабываемое зрелище. У Заварухи батя – боксер. И би-

цепсы у Гехи накачаны. А тут какой-то никому не известный новенький, да еще с виду хилак. Потеха – да и только.

Но у Витьки был свой план. И когда под вожделенное улюлюканье Гехиных подпевал они стали медленно сходиться, не дойдя до соперника метра три, Витька остановился, вынул из кармана брюк свое изобретение и, направив хлопушку в сторону обидчика, резко дернул за веревку. Раздался сильный хлопок. Геху с ног до головы окутало перцовое облако. Он зачихал, закашлялся и, закрыв лицо руками, рухнул на колени.

Из толпы ребят донесся насмешливый голос старшеклассника:

– Гля, парни! Заваруха у новенького на коленях прощение просит!

И реплика эта сработала. Под громкий взрыв хохота Витька, смачно сплюнув в сторону, победоносно закончил так и не начавшийся поединок:

– Попробуй еще хоть раз сунься ко мне – мало не покажется!

И с рук это ему тогда сошло. Болтливых девчонок на «театр военных действий» не пустили, а парням закладывать его как-то нужды не было.

С тех пор его никто не трогал. Зато приклеилось прозвище – Чокнутый. Ну так что с того? Ему-то, Витьке, от этого ни холодно ни жарко.

Правда, долго еще, на всякий пожарный, под школьным

пиджаком носил он отцовский солдатский ремень с большой и тяжелой пряжкой. Ремень этот уже однажды выручил Витьку, когда к нему вечером у магазина пристали двое подвыпивших парней, требуя денег. Пряжка помогла отбиться. В такие решительные минуты, когда требовалось отчаянное действие, в Витькиной душе поднималась буря, все тело напрягалось, и страх отступал перед сжатой в кулак волей. А когда опасность миновала, мышцы снова расслаблялись, становилось легко, а душа будто обновлялась.

Утром проснулись они с Тошкой поздно. Попив чаю с бутербродами, приготовленными Тошкиной матерью, стали накачивать резиновую лодку. Послышался гул вертолета. Весело подбрасывая шапки над головой, замахали руками. Тут и ежику понятно, что все у них в ажуре.

Спустив лодку на воду, Витька заметил, что дно накачали слабовато, но не придал этому большого значения. Забросив вещи в резиновую нишу, отчалили от берега. До бурлящего ската воды доплыли быстро. Довольные собой, приняли, как им тогда показалось, правильное решение: на берег не сходить, хотя отец строго-настрого предупреждал, чтобы на пороге шли по берегу, держа лодку за веревки. Дядя Лёня тоже им об этом говорил. Но Витьку их слова не убедили – дети они, что ли? К тому же тащиться по кустам целых три километра уж больно не хотелось.

Поначалу идти на «резинке» между бурунами воды было

прикольню. Но потом лодку стало кидать из стороны в сторону, направлять ее веслами в нужное русло Витьке не удалось: она то носом, то кормой цеплялась за подводные камни. И когда ее разворачивало поперек, Витьку охватывала паника – того и гляди перевернется. Боялся не за себя, за Тошку, у которого глаза были и так «по восемь копеек». Друг сидел на мокром дне лодки, вцепившись в капроновые леерные ленты, что шли вдоль бортов. Колючие брызги секли лицо.

Напорвшись на камень мягким днищем, из лодки от резкого толчка выбросило в воду рюкзак с продуктами. Но им было не до него – лишь бы скорее закончился весь этот ужас. Выловить рюкзак удалось только тогда, когда наконец вышли на тихую воду. Намокший и отяжелевший мешок едва торчал из воды.

К острову подплыли, когда солнце уже скрылось за лес. Но было еще светло. И хоть мокрая одежда неприятно холодила тело, сушиться или переодеться некогда. Хорошо еще, что спички были в нагрудных карманах куртки, предусмотрительно завернутые в полиэтиленовые мешочки, а то бы тряслись целую ночь от холода. Визит медведя помнили, поэтому хворосту натаскали целую гору. Несмотря на то что сам остров состоял из гряды камней, деревьев на нем росло много.

Когда костер разгорелся и от мокрой одежды повалил пар, утолили голод, открыв банку тушенки. Размокший хлеб

превратился в кашу, его ели ложками. Он был вперемешку с крупой и солью. До рыбалки дело не дошло.

Сырую палатку разбили на месте сгоревшего костра, как, по рассказам отца, это делали десантники в ненастную погоду. Хорошо еще, спальники были спрятаны в прорезиненных чехлах.

Не найдя банки с жидкостью от комаров, которая, судя по всему, утонула, ребята застегнулись в спальниках по самые глаза. Но даже на пыхтящие их носы кровожадные твари садились безо всякого зазрения совести. И за ночь лица распухли так, что утром смотреть друг на друга без смеха было невозможно.

Спали богатырским сном, про медведя забыв напрочь. Приходил он или нет – ни Витька, ни Тошка не слышали.

Всю ночь Витьке снился такой дивный сон... про Алёнку. Будто плывет он по реке в лодке не с Тошкой, а с Алёнкой. Ее рука, опущенная в воду, – вся в мелких воздушных пузырьках. Легкий ветерок развеивает распущенные по плечам волосы. Она подставляет солнцу лицо и улыбается по-детски счастливой улыбкой. Но вот в глазах ее появилась тревога: впереди бурлящий порог. Она со страхом смотрит на Витьку. Он уверенным взглядом успокаивает ее – дескать, со мной никогда и ничего не бойся – и делает знак, чтобы крепче держалась за леерную обвязку. А лодку уже свободно несет потоком между огромными валунами. Он, Витька, ловко и напряженно работает веслами. Страх и в помине нет.

Проснувшись среди ночи, Витька еще долго находился во власти сладких воспоминаний. Они не виделись уже больше двух лет, с тех пор как отца перевели на работу в этот большой город. Какая она теперь, Алёнка?

Весть о переезде обрушилась тогда на Витьку как гром среди ясного неба. И хоть друзей у него было немного, пугала неизвестность и еще... тот факт, что теперь он долго не увидится с Алёнкой.

Глава вторая

Появилась новенькая в их третьем классе сразу после зимних каникул. Она была такой хрупкой, невесомой, что, казалось, дунь – полетит по классу как пушинка. Большие голубые глаза ее доверчиво и кротко смотрели на мир, и все, о чем Алёнка думала, в этих ее глазах отражалось. Говорила она негромко, но весь класс замирал, как только она начинала отвечать. Даже Колька Петушок (Петушок – это не прозвище, а настоящая Колькина фамилия) и тот, сразу перестав паясничать, замороженно, открыв рот, смотрел на нее.

Витька Петушка на дух не выносил. Хилый, но задиристый, он был таким вредным, что в классе, кроме Руси, его никто терпеть не мог. Девчонки от него просто плакали: то форму запачкает, то учебники растреплет, то кнопки кнопки на стул острием вверх подложит... Словом, вся-

кая мелкая пакость – его рук дело. Колька постоянно хлюпал носом, да и весь он был каким-то неопрятным. На Русю Колька всегда смотрел, будто преданный пес. Тому это очень нравилось, и он никому не давал Петушка в обиду.

Руся в классе был выше всех и такой здоровый, что на третьеклассника не походил вовсе. Однако и переростком не был, учился на крепкие четверки. Брови у него были густыми и сросшимися на переносице, казалось, что они у него все время нахмурены. Волосы у Руси, как и у Витьки, красиво лежали волнами, только у Руси – темные, а у Витьки – светлые. Во втором классе Витька с Русей даже дружили. Он сначала вообще-то был парнем нормальным. Но за лето Руся почти на голову обошел Витьку в росте, на одноклассников, в том числе и на Витьку, поглядывал теперь свысока. К нему сразу подмазался Петушок. Витька от них отошел, да так ни с кем больше особо и не сдружился.

Своих симпатий к Алёнке Руся не скрывал. При всех просил учительницу посадить его с ней за одну парту: мол, тогда он обещает, что вести себя и учиться будет лучше. Но Валентина Александровна не разрешила. Еще бы! Руся такой бугай, где ему с Алёнкой сидеть?! Ему последняя парта в самый раз. И посадила ее рядом с Витькой. Руся простить ему этого не мог.

Да еще эта история с днем рождения. С него все и началось...

Однажды на большой перемене Алёнка вдруг тихо сказала ему:

– Витя, в субботу у меня день рождения. Приходи к нам к четырем часам, мы с мамой торт испечем... – и, тряхнув хвостом пышных белых волос, как ни в чем не бывало пошла в столовую.

Витька остолбенел от растерянности. Из мальчишек пригласила его одного. Точно. Он наблюдал: ни к кому больше не подходила, шепталась только с девчонками.

Все уроки Витька думал только об одном: что делать?

Дома он сразу же кинулся к копилке и стал пересчитывать деньги. Это был его личный заработок. В выходные они вместе с отцом счищали снег с крыши лесхоза, и полученные деньги отец честно поделил с ним пополам. Витька хотел на спортивный велосипед копить, но теперь!..

Подарок выбирал три дня. В конце концов купил оригинальную берестяную шкатулку и попросил продавщицу красиво упаковать, завязав большим розовым бантом.

А в субботу, придя домой с занятий, залез с ногами на диван и, подперев щеку рукой, задумался. Когда мама вошла в комнату, он спросил:

– А может, мне все-таки не ходить?

– Куда? – не сразу поняла мама.

– К Алёнке на день рождения. Ребята ведь узнают – задразнят...

Мама присела рядом.

– Не знаю, сынок, решай сам. Боишься – не ходи. А узнать, конечно, узнают... И дразниться будут – это факт.

Витька вздохнул: как же тяжело решать такое самому! Но задело мамино: «Боишься – не ходи». Взглянув на подарок, решительно встал с дивана:

– Можно, я новую куртку надену?

– Конечно, – разрешила мама. – И рубашку голубую... Тебе этот цвет идет.

Куртку Витьке из Финляндии в подарок привез мамин брат, дядя Женя. Витька ее еще ни разу не надевал. И даже перед дворовыми ребятами не хвастался. Куртку эту словами не опишешь, видеть надо: голубого цвета, со множеством молний, карманов и заклепок, на белом шелковом подкладе! Отпарив брюки и надев светло-серый джемпер, Витька подошел к зеркалу и сам себя застеснялся: прямо манекен какой-то!

Он долго стоял перед дверью Алёнкиной квартиры, не смея позвонить. И только тогда, когда на нижней площадке послышались чьи-то торопливые шаги, нажал кнопку.

Открыв дверь, тетя Света, Алёнкина мама, удивленно протянула:

– О-ой! Какой ты нарядный, Витя! Проходи!

В прихожую тут же высыпали девчонки и вытаращились на него. А Петрова Танька, самая горластая в их классе, закатив глаза, завопила:

– Ой, мамочки! Худо мне... Кого я вижу! То ли Витька,

то ли привидение! А разоделся-то, господи! Как на бал!..

Алёнка зарделась вся.

– Раздевайся. Я думала, что ты не придешь, побоишься... – пролепетала она.

– А кого мне бояться? – забрало Витьку. – Поздравляю! – и небрежно протянул ей подарок.

Танька, выхватив его из Алёнкиных рук, тут же принялась развязывать упаковку.

Витька возмутился:

– Чего схватила-то? Не тебе ведь!

Но тетя Света, погладив его по плечу, объяснила: мол, подарки положено открывать, чтобы все полюбовались.

За столом девчонки переглядывались, хихикали, но Алёнку это почему-то совсем не смущало. И Витька тоже освоился, перестал краснеть.

Потом пришла Алёнкина старшая сестра, Катя, включила магнитофон и светомузыку. Девчонки стали танцевать. Катя, подняв вверх плюшевого медвежонка, объявила, что вручит этот приз за лучшее исполнение быстрого танца. Витька отчаялся на «брейк» и вышел в круг танцующих девчонок. Медвежонок достался ему. Он хотел отдать его Алёнке, но та запротестовала: мол, так нечестно, выиграл – бери!

Затем Катя раздала им бенгальские свечи и объявила медленный танец. Те, кто становились в пару, имели право их зажечь. Витька пригласил Алёнку. Девчонки снова зашептались, поглядывая на них, а Алёнка смело положила ему руку

на плечо. Искорки бенгальских свечей отражались в ее глазах. У Витьки от волнения по вискам потекли ручейки пота. Руки тоже взмокли, хоть дуй на них. Только какое там! Он даже дышать боялся.

На другой день, стоило ему только переступить порог класса, как парни загоготали:

– Эй, жених! Говорят, ты вчера один среди девок на дне рождения был! – И, пальцами показывая на Русю с Колькой, снова заржали: – В обнимку с Алёнкой танцевал?

Руся, прижав к себе Петушка, разыгрывал спектакль. Страстно лобызал Кольку в конопатые щеки, приговаривая: – Милая моя! Я без тебя жить не могу!

Ребята держались за животы от смеха. Витька тоже было попробовал добродушно усмехнуться, но тут Петушок, видно науськанный Русей, подошел и плюнул ему в лицо. Витька оторопел, а потом наотмашь смазал ему по сопливному носу. Завязалась драка.

Тут в класс заглянула завуч – она дежурила по школе в этот день. Заморыш Петушок был по всем параметрам меньше Витьки. Не разобравшись, в чем дело, завуч схватила Витьку за шиворот, оттащила от Петушка. Тот, пользуясь моментом, снова плюнул. Стерпеть такого унижения Витька, конечно, не мог и двинул Кольку ногой. Завуч заверещала, обозвав его садистом и доморощенным фашистом, а потом записала в Витькином дневнике: «Бил товарища ногами!» –

да еще пообещала снизить ему оценку по поведению за четверть.

Внутри у Витьки все кипело: «товарища»! Пол-урока он никак не мог успокоиться, со злостью поглядывая на Кольку. Тот, злорадствуя, кривил ему рожи. Алёнка кончиком пальца чуть коснулась под партой его руки. И от этого ее нежного прикосновения буря в Витькиной душе стала утихать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.